

«Зоркая душа не спит, зоркая душа на страже»

Об отце Вячеславе Шапошникове, священнике и поэте рассказывает
Ирина Ушакова

Жизнь поэта и священника Вячеслава Шапошникова (1935–2012) явила собой гармонию творчества и служения Богу. Отец Вячеслав писал:

Вдруг в душе усталой обернётся
Светом лучезарным грозный мрак:
«Сей слезами – радостью пожнётся!» –
Мой народ сказал когда-то так.

Родившийся в семье потомственного священника в г. Алатыре (ныне – Республика Чувашия), Вячеслав Шапошников испытал все тяготы семьи «лишенца», унижения, когда его называли «поповским щенком», горькое сиротство, ведь в 1937 году умерла его мать, а в 1941-м война забрала отца. Навсегда мальчишка запомнил тот день, когда шли они с отцом мимо храма, который рабочие крушили, угрожая и матерясь. Отец их не осуждал, он только спешил рассказать сыну о сокровенных святых местах, что были и в Алатыре:

Никому не велят
подходить к тому лугу...
Как ни бесится ад,
люди знают дорогу
и туда, и в Саров,
и в Дивееву пустынь...
Как запрет ни суров,
свято место – не пусто!..

Эти строки возникнут потом, в известной поэме Вячеслава Шапошникова «День незабываемый». А тогда ему казалось, что разразившиеся гром и ливень смоят с лица земли все дела рук человеческих, смоят и его, мальчишину боль. И ливень омыл его сердце, дал увидеть мир в первозданной чистоте, где завещано жить маленькому человеку, никогда не судить, жалеть оступившегося и помраченного, разделять чужую боль. А позже – вести свою паству к покаянию и спасению, став с нею одним целым, восприняв людские тяготы.

Лес по дереву не плачет...
Я-то слышал, я-то знаю,
как стенаньем общей боли
отзывалась глубь лесная
на падение любое!..

По окончании школы в 1954 году Вячеслав Шапошников поступил в Новосибирский авиационный техникум, откуда был призван в армию. Всё как у всех: жил в согласии со своей страной, своим народом. Стихи и поэмы Вячеслав Иванович начал писать еще в таёжном поселке Подольск Томской области, где работал вальщиком леса.

В 1959 году поступил в Красносельское художественное училище Костромской области, а в 1964-м вышла его первая поэтическая книга, предварившая будущие поэмы и романы.

Валились хлопья, всё вокруг глуша.
И понял я – сын суетного века, –
зачем приходит в этот мир душа
со зрением и слухом человека.
Внять чистоте! Всё прочее – есть бег
от сущности своей, своей природы.
Ах, не напрасно русский человек
среди белизны живет почти полгода!

Отец Вячеслав верил, в каждом дыхании природы улавливал дыхание Творца:

Не зря в тишине сего раннего часа,
в сей миг озаренья явился тебе
край леса вознесшимся иконостасом
с остатками злата на тонкой резьбе...

В 1971 году Вячеслав Иванович окончил Высшие литературные курсы, будучи уже членом Союза писателей СССР.

А в 1991-м епископом Костромским и Галичским Александром Вячеслав Шапошников был рукоположен в священник сан. Его врожденное видение духовного смысла во всём земном вело к этому пути. Встав пред Престолом, отец Вячеслав будто продолжил служение отца, вынужденно прерванное закрытием храмов в 1920–1930-е годы. И стихи его текли такой же чистой рекой, как и молитва.

Что со мною?! – Куда не взгляни –
исповедители мои,
исповедники... Стар и мал.
О, каким я вдруг старым стал!..
Словно на плечи мне легло
всё, что было им тяжело...

Познавший в детстве горькое сиротство, отец Вячеслав рад был отдавать отеческую, пастырскую любовь людям, в своем сиротстве среди мирской суеты припадшим к матери-Церкви.

Как мало счастливых я знаю в приходе...
Во счастья-то в храмы немногие ходят...

В храм, где служил отец Вячеслав, как и во многие другие храмы, пришли люди, у которых долго вытравили понятие о существовании собственной души, и священник духовным зрением видел, что это – живые мертвецы, молился за спасение их душ, вёл к покаянию, будил.

Душа распинаться устала
За всю эту гиблую «жизнь».
Вот тело моё. Если мало,
распни его. Только очнись!..

Стоя перед Престолом, своей поэтической душой отец Вячеслав чувствовал, как храм во время Литургии наполняется давно умершими людьми, молившимися здесь 100 и 200 лет назад. Это была и есть реальность – живая Церковь, где у Бога нет мёртвых. И не понять было, кто живее: народ, стоявший в церкви или незримо присутствовавший?

Отец Вячеслав служил в Воскресенском соборе, Смоленской церкви и почти 20 лет в Алексеевском храме Костромы – священной для русского сердца земли, где в смутное время вершилась судьба России, где костромской крестьянин Иван Сусанин отвёл беду от юного Михаила Романова. И отцу Вячеславу у его престола, как в центре Вселенной, виделось свершение нашей судьбы и в очередную смуту 1990-х годов.

Русский дом – горящая обитель.
Слово нас Господне не прожгло:
«Без Меня не можете творить
ничего». Всё прахом и пошло...
Сатана хитро расставил мрежи.
Кружит над страной вороньё.
Распинатели России те же,
что распяли Господа её...

С творчеством отца Вячеслава в 2000 году меня познакомил мой наставник – поэт Анатолий Парпара, редактор «Исторической газеты», давний друг батюшки. В то тревожное время, когда государство стояло перед бедой и разрухой, когда мои ровесники после срочной службы попали в Чечню и подвиг Жени Родионова многое открыл нам о Родине и о святости.

Нас отучали любить Родину как мать, как неотделимую от сердца реальность. А отец Вячеслав Шапошников непоколебимо свидетельствовал:

Не саван! Нет! Её Покров над нами,
над нашей горькой грешною землей.
Её, Её пречистыми руками
прикрыта Русь святою белизной.
Какие б каверзы ни строил век
и как бы он ни тислил нас запутать,
летит, летит исповедальный снег,
спешит запеленать, укрыть, укутать...

Утешительны были такие слова для нас, юных. Отец Вячеслав испытал на себе, как может ложь и злоба омрачить народ, знал и цену стояния в слове, в истине, но знал и то, что отступать некуда. Перечитываю его

письма 2000–2001 годов – они будто написаны вчера: «Храни Господь Вас от всех печалей... Женщина сегодня берёт на себя тяжести особенные, духовные тяжести... И молитву она ныне взяла на себя за всех спивающихся, тонущих во грехах. Такое вот время...

Ныне работаю над своей десятой поэтической книгой, которую считаю заветной. «Белые берега» – так назову её. Вся она – из новых вещей. Работаю и над оформлением её художественным. Сам вновь хочу сделать его. Манит и проза. Но об этом – пока молчок». Тогда, в зимней тиши бабушкиного дома складывала я строки: «В этом белом мгновенье // Нашей снежной Руси // И вершится рожденье // Очистительных сил». И отец Вячеслав отвечал мне:

Твоя душа, душа родной округи...
Как слил, соединил их снегопад!
В какой они печали друг о друге!
И как они друг дружку болят!..

Передо мной, как и перед отцом Вячеславом, вставали в генетической памяти образы моих прадедов, чьими руками были построены и согреты молитвами храмы в нескольких селах Бельского уезда Смоленской губернии. И единомыслие со священником, которого мне так и не довелось повидать, было спасительно и обнадеживающе. И верилось: всё, что сделано нашими пращурами, – не напрасно, даже если сегодня село полумертво.

Жизнь вернется ли сюда опять?..
Или ей в тщете долготерпенья,
стиснувшись бревну к бревну, – стоять,
сжав их, как персты, до онеменья?..

Можно было бы забросить эту бедную деревню, чтобы не видеть разруху и спивающихся мужичков. Но образ простой избы у отца Вячеслава вставал как святыня, как материнское начало и колыбель жизни. А избяные брёвна напоминали до онемения сведённые персты рук. Его лес был не тьмою непроглядной, а храмозданной обителью. Он пытался до нас докричаться, что Русь, как тридневный Лазарь, не умерла, но спит. Эту же мысль я услышала спустя десятилетие от отца Виктора Салтыкова, который ныне служит в дальнем приходе Ивановской области. «Ты пойми, – говорит мне отец Виктор, – что наши предки – святые люди. Наши брошенные деревни – как святые мощи».

Отец Вячеслав Шапошников нёс послушание редактора епархиальной газеты «Благовест» с первого номера её издания, был членом редакционного совета по средствам массовой информации, дисциплинарной и богослужебной комиссий епархии. В 1999 году протоиерею Вячеславу было присвоено звание заслуженного работника культуры России. С большой любовью его сегодня вспоминают жители Костромы, духовенство, прихожане Алексеевского храма и учащиеся Костромской духовной семинарии, где многие годы он был духовником.

Белая мгла
Морозным дыханьем меня обожгла...
И, стоя с крестом на амвоне под нею,
Одно ощущаю: седею, седею...

Нет уже с нами в земной жизни отца Вячеслава, но стоит только задуматься над судьбой русской деревни или над судьбой русского гения Михаила Лермонтова, чьё 200-летие снова доносило до нас голоса клеветников поэта, как батюшка вступается:

Не бывает у убийц осечки.
В страшный миг не дрогнет их рука.
Побывал я и на Чёрной речке,
был и у подножья Машука.

В скорби русской видел ваши лица
над сияньем горьких двух могил.
Ни один из вас не стал убийцей.
Знаю, верю: Бог не попустил.

«Его мудрое, растворённое нелицемерной любовью отеческое слово врачевало души и радовало сердца прихожан костромских церквей, а яркие, запоминающиеся проповеди привлекали в храмы интеллигенцию и молодёжь», – говорил о покойном отце Вячеславе митрополит Астанайский и Казахстанский Александр.

Отец Вячеслав явился молитвенником за Россию на одном из самых крутых поворотов её истории. Верю, что и ныне в своем молитвенном предстании у Престола Божия он любит-жалует, оберегает Россию-матушку. Даже когда

Словами уже никого не проймешь.
С л о в а м и - т о - да. Но коль – СЛОВОМ,
в котором не хитрость, не тонкая ложь,
в котором души твоей мука и дрожь.
спасительным вечно и новым?!